

Л. А. Мясникова*

Смыслы путешествия в русской и китайской культурах

В выявлении смыслов и символики путешествий русской и китайской культур можно найти немало общего и различного.

Понятие пути одно из ключевых в двух важнейших мировоззренческих концепциях Китая: в даосизме и конфуцианстве. В даосизме путь понимается и как исходный принцип мироздания, единый ход и закон движения всей природы, но также и как перемещение по дороге и сама дорога. То есть любой путь так или иначе выражает и проявляет Дао. В Великом Дао «малое и относительное» – «большое и значительное» относительны. Истинная реальность включает все, она «голографична», каждая часть содержит и выражает целое, все переходит во все. В конфуцианстве речь идет прежде всего о пути нравственного совершенствования. Конфуцианцы, легисты, моисты и буддисты связывали Дао с методом отыскания истины, с путем к истине, путем истины.

Чтобы понять семантику путешествия, следует также обратиться к вопросу о взаимосвязи духа и природы. Для европейца дух и природа противоположны. Так М. Шелер утверждал, что сама по себе природа (жизнь) бездуховна, а дух сам по себе безжизненен. Только в человеке принцип духа и принцип жизни встречаются, в результате чего дух животворится, а жизнь начинает одухотворяться, идеироваться. Преобразуя природу в соответствии с ценностями и идеалами, человек создает мир культуры.

В китайском мировоззрении дух природен, натуралистичен. Любой камень, цветок, озеро чреваты духовностью. Беды человека происходят из утраты простоты и естественности. Ложные ухищрения уводят человека от истинной безыскусности. Нужно вернуться к единству с природой, следуя принципу порядка. При внешней схожести на призыв Ж.-Ж. Руссо «назад к природе» с его идеалом неспорченного дикаря суть китайского понимания связи духа и природы иная. Чтобы понять эту специфику, надо обратиться к понятию «ци». Ци может переводиться как «пневма», «эфир», «энергия», а так же это понятие иногда переводится как «дух», а

** Людмила Анатольевна Мясникова – д. ф. н., профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).*

порой как «материя». То, что для европейца и россиянина взаимно-исключительно, для китайца – нет. Ибо ци, сгущаясь, становится веществом, а истончаясь – духом. Бесконечные переходы создают весь мир. Ци – можно понять и как изначальный «дух», в котором таится грубая вещественность. Вещество – «замерзший дух».

А как же на связь духа и природы смотрит русский человек? Ответ на вопрос зависит от того, является он городским или сельским жителем. Г. Гачев в своей «Семейной комедии» справедливо писал, что в деревне, в лесу, в природе иначе, чем в городе ощущаешь духовность и Бога¹. Для деревенского жителя Бог не возвышен над природой и не противопоставлен ей, он – в листьях, в траве, в воздухе, в ветре. И русский человек глубоко чувствует природу. Но, начиная рефлексировать, русский, в отличие от китайца, воспаряет над природой, стремится оттолкнуться от плоти, от физиологии, испытывает брезгливость. Он «дух» любит больше жизни, больше мира, больше тела. Ибо тело – тленно, конечно, а дух вечен и свободен.

В китайском мировоззрении все пронизано потоками ци; человек живет в мире ци как рыба живет в воде. Ци не только вокруг человека, но и в человеке. Через энергетические каналы (цзин) потоки ци циркулируют в организме. Любая болезнь объясняется нарушениями циркуляции этой жизненной силы. Особое значение придается каналам жэнь май и ду май (вена регуляции и вена контроля). Одна идет от промежности к позвоночнику через макушку головы к верхней десне. Вторая – от нижней десны через пуп к промежности. То есть образуется круг, но в полости рта он разорван. Поэтому даос строит с помощью языка мост, соединяя разрыв. Ци локализуется в киноварных полях (низ живота, центр груди, голова). Умение даоса через телесно-духовные практики «укреплять» киноварные поля, владеть локализацией и потоками ци в организме человека, фактически является именно одухотворением, просветлением тела и превращением в бессмертного – сяна. Дао – великий регулятор перемен, непрестанного круговорота.

Итак, Дао – путь-истина. В отличие от русского понимания истины, китайское понимание очень прагматично. Для китайцев важны не размышления, рассуждения, мечты сами по себе, а практики. Путник знает, как идти по пути истины. Принцип недеяния не отрицает силы, движения, выгоды. Включившись в поток перемен, соединяясь с природой, даосский мудрец «пропускает» природу через себя и получает всю силу и мощь ее жизни. С помощью практик внутри своего тела даос создает «эликсир бессмертия»,

¹ Гачев Г. Д. Семейная комедия. Лета в Щитове. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 352 с.

единотелесность с миром. Путь как включенность в процесс, как практика обретения телом силы всей природы и превращение в бессмертного – сяна – и есть истина. Причем, многие китайские мудрецы не стремились стать сяном, вознесенным на небо или в астральные миры (где они превращаются в небесные тела, звезды, созвездия), а стремились остаться жить в «славных горах», в «пещерных небесах». То есть идиллическая жизнь в природе предстает в китайской культуре высшим идеалом. Любое путешествие соединяет чувственно-телесное и духовно-ментальное движение и перемещение. Любой путник-путешественник идет по пути-истине к истине. Таково семантически-символическое ядро китайского понимания сути пути, путешественника-путника.

Какие смыслы пути обнаруживает русская культура?

Россия – перепутье, место встречи и соприкосновения Запада и Востока. Таково основное понимание места и предназначения России. Два начала вечно спорят в нашей культуре: Запад и Восток. Евразийство наблюдается и во внешнем облике, и в менталитете, и в душе русского человека. Русские осознают месторасположение своей родины как сторону, край (страна-сторона, край родной). Запад мыслится как центр, а Россия – с краю, в стороне. Мы учимся у Запада, просветляем свой ум западной рациональностью, но, как отмечал Г. Гачев, наш силлогизм: «не то, а». Просто следовать чему-то мы не можем, не будем, все переиначим на свой лад. Вряд ли еще у какого-либо народа есть согласие-возражение «да нет», столь привычное языку и уху русского человека. Русские края не боятся. Крайность русская – общенациональная черта. Хотя мы и называем свою родину краем, но край этот слишком велик, включает в себя «бескрайние просторы» среднерусской возвышенности, да еще и Сибирью приращенные. Удивительное сочетание края и центра. У нас центр – с краю: краеугольный камень мыслится как основание. Вспомним представления-образы мира в классической русской литературе. Для Пьера Безухова у Л. Н. Толстого мир – сверкающий шар, где центр всюду, а края нет, т. е. край и центр могут совпадать. У Свидригайлова, героя Ф. М. Достоевского, мир – «темная банька с пауками по углам», то есть любой уголок, закуток, край, даже темненький и нечистый, аналогичен миру.

Русский человек может в короткий промежуток времени концентрировать свою волю и действия (аврал), а затем – долго лечиться. «Лежать на печи» – русское проявление недеяния, в чем-то схожее с даосским. Иван-дурак или Емеля, лежа на печи, не самоутверждаясь, не «подгибая мир под себя», умело оборачивают силы природы себе на пользу. Точнее, сами герои природны, естественны («дурак» противоположность ложной мудрости и тщеслав-

но-расчетливому образу жизни), поэтому природа в них, через них, с ними действует на исполнение их желаний, помогает – работает.

В слове «страна» заключен смысл не только «стороны», но и «странствия», «странности». Наше путешествие – странствие. Русь – «птица-тройка» – несется вперед и вперед по бесконечной горизонтали, но в любой момент готова взмыть вверх. Горизонталь переходит в вертикаль, это крест наш. Как известно, дороги в России всегда были бедой, проблемой. И до сих пор не идеальны. Нет какой-то лучшей дороги. Богатырь или добрый молодец, стоя у развилки, читает: направо пойдешь – болезнь найдешь, прямо пойдешь – головы не снесешь». А коли нет идеального варианта пути, то какая разница, куда именно идти. Любое направление – путь. Отсюда вывод: «пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Таков смысл русского странствия. То есть «что-то» человек обретает, но что именно далеко не всегда известно. Чем-то это странствие напоминает путь к замку героя Ф. Кафки. Там цель ясна, а путь неопределенен, куда бы ни пошел – нет гарантии достижения цели. Русскому страннику не известен не только правильный путь, ему порой и цель не известна. Однако странствие имеет собственный – экзистенциальный – смысл. Преображается сам странник. Странствие – путь преобразования и обретения. В итоге, русский странник превращается в царевича, богатыря, обретает славу, почет, богатство, к которым не стремился, которых не искал и не жаждал.

В русском путешественнике-страннике соединяются парадоксы движения и покоя, цели и бесцельности, дороги и бездорожья, направленности и отсутствия направления. Все россияне живут в стране, все – странники. Главное для нас сам путь: «откуда я пришел – не знаю. Не знаю я, куда уйду» (Н. Гумилев). Может быть, поэтому вновь и вновь русская интеллигенция ставит вопросы: кто мы? куда и зачем идем? что делать?

Странность непредсказуемой и фаталистичной русской души непонятна для целерационального сознания европейца, но и для китаевского (восточного) человека в ней много загадочного.

Странничество претендует на изменение, постоянное обновление, но постоянное изменение-обновление – тяжелое бремя: «Больно быть в мечте и жизни странником / По кругам национальной тьмы!» (Д. Андреев). И от этой усталости люди скрываются во «всемстве», через отказ от индивидуально-личностного начала. Другой полюс русского странника – преобразователи, революционеры. Одни из них искренне готовы положить свою жизнь, как и жизни многих других на алтарь преобразования. Другие – хитрые, честолюбивые, властолюбивые деятели готовы принести в жертву всех вокруг, но не себя. Те и другие хотят пространство

подчинить своей воле. Свобода здесь отождествляется именно с волей, точнее, своеволием, навязываемым другим. Как конформисты, так и революционеры-индивидуалисты верят в «золотые сны», в «светлое завтра», в утопию. Одни, как Обломов, считают, что «все образуется». Другие мечтают как Манилов, не имея силы и воли воплотить мечты. Неугомонные безродные «прогрессоры» тоже стремятся к завтра. Они готовы обустроенный космос превратить в хаос, затем же своей волей его вновь структурировать, обуздывая разгул воли (русский бунт). При этом индивидуалы вынуждены объединяться в рать, готовую подчиняться приказам вождя. Конформисты и революционеры опять объединились.

Паломники, пилигримы, да и юродивые бродяги-провидцы ищут святости, святыни в пути.

Как известно в России две проблемы: дураки и дороги. Может быть именно плохие дороги делают дураков героями?